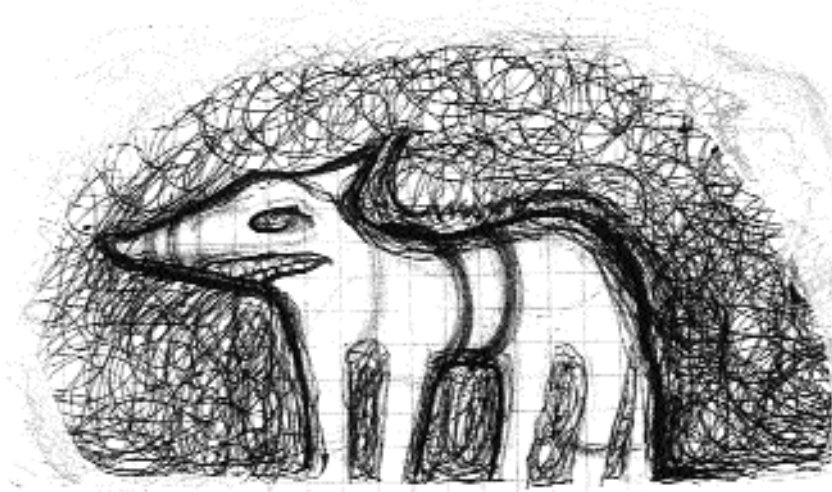

Андрей Николаев, Сергей Чекмарев

Реликт

Полосатый зверь подышал. Брюхо его было распорото от грудины почти до хвоста. Исходящие паром внутренности неопрятной кучей волочились следом, когда зверь перекатывался по влажной траве, пытаясь ухватить их зубами. Неподалеку стая таких же остромордых и полосатых рвала на куски гигантскую птицу. Та еще пыталась отбиваться, достать хищников огромным изогнутым клювом, но это была агония.

— По-моему, этот подойдет.

— Мелковат.

— Он и должен выглядеть игрушкой, ему умиление вызывать надо, а не инфаркт. Но какие повадки, а? Охрана — это та же охота, только со знаком плюс. Все должно быть на уровне инстинкта, подсознательно. Через миллионы лет ему равных не будет. В некотором смысле эволюция — это вырождение, и какой-нибудь мастино или ротвейлер для него просто боксерская груша! Заменяем ...

— Эволюция не может быть вырождением по определению.

— ...заменяем когти, зубы, поста-

вим на крайний случай плазменный заряд.

— Да он ноги таскать не сможет!

— А мы усилим скелет, мышцы, потренируется полгода, побегаёт. Нет, я думаю это то, что надо.

— Какой-то он неуклюжий. Так вот подставиться...

— Неуклюжий? Да он лидер! Он же первым бросился на эту жирафу в перьях.

— Ну, как знаешь. А если не согласится?

— Выбора у него нет. Иначе свои сожрут. Как только доедят птицу. Все, начинаем, а то поздно будет.

Возле бьющегося тела в полупрозрачном столбе света возникли два человека.

Несколько зверюг, опоздавших к пиршеству, направились к своему неудачливому собрату, но, ткнувшись острыми мордами в невидимую преграду, остановились в недоумении.

Глаза зверя, подернувшиеся предсмертной пеленой, прояснились. Он увидел свое распоротое брюхо. Потом взглянул на рвущихся к нему сороди-

чей и попытался завить. Но сил уже не было.

— Фу, какая вонь.

— Да, ему досталось... Кишки наружу, но это не проблема. Ты с его мозгом поработал? Так отойди в сторону, теоретик.

Один из людей, наморщив нос, отошел в сторону, а второй присел на корточки, приподнял мокрую от слюны и пены морду зверя и посмотрел в тоскливые, слезящиеся глаза.

— Ну, здравствуй, приятель, здравствуй. Вот, этот теоретик считает, что ты неуклюжий неудачник, а я совсем иного мнения...

Сегодня меня опять ловили. Сижу, себе в песочнице, ребятню развлекаю. Сереньке, как раз, последний кружочек на пирамиду помогаю одевать. Серенька веселый, а чего ему? Подгузник еще сухой, хотя и потяжелел изрядно. И песок можно есть прямо лопаткой — пока мамка отвлеклась, по мобильнику с кем-то треплется.

Слышу — едут. Я эту машину противную уже давно выучил. Точно! Заруливают. Ну-ну... Сегодня я решил не прятаться. Ну, сколько можно, а? С начала весны тут ошиваюсь, а эти все норовят подцепить. Я слышал, как мордатый с петлей все ходил, приговаривал:

— Ничего... в следующий раз мы тебя, буль проклятый, точно возьмем! Зуб даю.

Это он меня зовет так. Я и вправду на бультерьера похож. Морда клином, только побольше да помохнатей, серый в темную полосу.

Мамаши детей похватали, кто на руки, кто в коляски, и подались подалее. Я тоже из песочницы ушел — там города всякие построены, пирамиды, зачем разрушать? Отошел в сторонку, сел на хвост, жду. Хвост у меня толстый, удобный.

Идет этот мордатый, куском колбасы помахивает:

— Жрать хочешь, небось, а? На, ешь...

Бросил колбасу мне, палку с петлей навострил, примеривается. Понюхал я; колбаса как колбаса, ничего

лишнего: мясо, крахмал, хвосты крысиные. Не стал мордатого разочаровывать, подошел и съел. А пока ел, он петлю мне на шею накиннул, к машине обернулся и кричит:

— Утюг, Утюг, я его взял!

Пока кричал, я веревку перекусил, по петле когтем чиркнул, отошел и опять на хвост сел.

Из кабины вылез Утюг, такой же мордатый, небритый, только ноги короткие. Топают к нам:

— Ну, и где твой буль?

— А-а, гад, петлю скусил!

— Что ты мне втираешь?! Инвентарь проверять надо! Где ты видел собак, которые петлю перекусят?

— Да ты чего, Утюг, не веришь? Сам посмотри...

Тот отмахнулся:

— Ладно, сейчас мы его сеткой возьмем.

Долго они за мной по двору бегали. Сначала с лаской, с уговорами. Потом, когда сетка запуталась окончательно, стали слова всякие говорить. Бабки у подъезда, на что привычные, и те покраснели.

— Эх, — вздохнул, наконец, Утюг, упарившись. — Вот ведь оно как бывает.

И уехали. Жучку, правда, прибудную прихватили, не успел я помешать. Хорошо дети не видели, уж очень ласковая была Жучка. Она не за колбасой к мордатым пошла. За лаской. Ее кто погладил, тот и друг. Ведь и у людей тоже так бывает.

Тут и Наташка моя из подъезда выскочила, я — к ней, понятно дело. Бабка Катя — сегодня при параде, в цигейке и подшитых валенках, — кричит ей:

— Слышь-ка, опять сегодня Амура твоего поймать хотели.

Наташка в слезы.

— И-и что-о...?

— А он им веревку отъел.

— Так баб Кать, вы б сказали, что собака не бродячая, моя собака.

А сама присела, гладит меня. У меня шерсть толстая такая, плотная, как на ковре.

— Эх, девонька, кто ж старуху послушает. У них план, а собака без

ошейника. Но я, правда, им кой чего сказала.

— Я представляю, — смеется Наташка. — Амур, пойдешь со мной в магазин?

Конечно, пойду. Куда ты, туда и я. Один раз две остановки бежал. Ей в книжный надо было, через три квартала, вот и бежал. Кто меня в автобус пустит?

— Наташ, а ты мать уговорила бы, — это бабка Катя опять, — возьмите собачку-то. Небольшая, но смотри, какая серьезная. Как он того кобеля погнал! Боец!

С неделю назад забегал во двор одичавший доберман. Кидаться на всех начал, ну я его и придавил малость. Мигом опамятовал.

— Да все никак, — пригорюнилась Наташка, — ты, говорит, поиграешься и все, а мне за ним ходить. А он ведь меня и в школу провожает, и из школы ждет.

Ничего, думаю, мы маму Таню как-нибудь сообща уломаем.

У магазина я присел в сторонке, чтоб собаки не косились. Они хоть и чувствуют, что родня, но уж больно дальняя. Это точно. Там, откуда меня взяли, собак не было. Ну, в любом случае, другие зверюги еще меньше подходили. Волкодава какого-нибудь двухметрового мама Таня в дом ни за что не пустит. А человека к девчонкешкольнице не приставишь — заметно слишком.

Наташка вышла, сумку тащит. Я подошел, зубами за ручки хватать — давай, мол.

— Куда тебе, Амурчик, она ж больше тебя.

А ты дай и все!

— Ну на, держи.

Я в холке и вправду невысок, не выше бульдога. Но сумку просто взял за ручки, на спину забросил и потрусил домой. Самое главное: ручки не перекусить от усердия. Наташка чуть не завизжала от восторга.

К подъезду подходим, а там как раз мама Таня с работы идет. Присела с бабкой Катей мнениями обменяться. Удачно! Сейчас поведем атаку, по всем правилам.

Бабка Катя тоже на нашей стороне:

— Ну, ты смотри, Танюш, золотая зверюга! Сумки на спине носит! Скоро у меня папироски стрелять будет. Взяла бы его к себе. Не место ему на улице, ученый пес.

Я сумку поставил, а сам головой в руку мамы Тани тычусь: ну посмотри, какой я!

— У-у, зверище, — и по холке меня треплет. — А кормить-то тебя чем, а? Вон, какой толстый.

Это я толстый!? Просто конституция такая. Да и ем все, чего не дай. Не хватит — крысы на помойке пока не перевелись. Не впервой.

— Ну, мам, ну давай возьмем, — Наташка чуть не плачет. — Пожалуйста. Я все делать буду: и убирать, и гулять, и мыть, и прививки.

А я все носом в руки тычусь. Кто тут устоит?

— Ладно, бери своего Амурчика, но смотри у меня!

Что тут началось! Визг, писк, чмоканье. Суровая бабка Катя и та разулыбалась. А мы домой пошли. Пятый этаж без лифта, хрущоба двухкомнатная, но это ж не под лавкой во дворе!

И стали меня мыть в четыре руки детским шампунем, сушить полотенцем и феном, кормить гречневой кашей и играть со мной в мяч стали! А спать я лег в прихожей. Хотели у двери положить, но тут уж я не уступил: коврик перенес, куда хотел. Отсюда у меня и дверь, и балкон под контролем.

На выходных мы поехали покупать ошейник, поводок и намордник. Наташка просила самый красивый, но на мою морду не всякий налезет. Что подошло — то и купили. А на ошейник тут же сделали бляху с гравировкой: «АМУР».

Потом засобирались гулять, в парк. День выдался солнечный, теплый. Меня, конечно, хотели оставить дома, но я показал, что до их приезда ни малую, ни большую нужду терпеть не стану. Поем всю обувь, прогрызу диван, а может и холодильник, и меня взяли. Доехали не без приключений. И пускать меня не хотели, и хвост

прищемило, и лапы оттоптали, но работа — есть работа! Да и не работа это уже, а удовольствие. Да, да! Кого не любили, тот не поймет. Для меня охранять эту девчонку — удовольствие!

А через пару дней случился у Наташки праздник. День рождения. Куча народу заявила, а меня закрыли на кухне. И проверить никого нельзя. Я было попытался в щель выскользнуть, но мама Таня строго сказала:

— Сиди пока тут, Амурчик. Перепугаешь еще людей.

И как быть прикажете? Сажу на кухню, а там кому попало дверь открывают, в квартиру пускают без проверки.

Хорошо Наташка не утерпела — похвастаться захотелось. Прибегает, кричит прямо с порога:

— Амур, пойдем знакомиться. Я тебя девчонкам покажу.

Ну, и поехало. Маша, Ирка, Дашута, Ксюха... Вырядились все. Расфуфыренные, причесанные, наряженные.

— Ой, какой!

— А погладить можно?

— Не кусается?

Не-е, не кусаюсь. Только гладь поаккуратнее.

В итоге всех гостей я обнюхал, всех проверил, погладить дал, в руку потыкался... Все довольны. И стоило мне расслабиться — этот заявился, как его... Одноклассник Наташкин. На Гарри Поттера похож, у Наташки на тумбочке книжка лежит, вот там на обложке — вылитый он.

Не люблю таких. Вечно все лучше всех знают.

Понятно, меня и с ним познакомили.

— Это Амур.

Гарри очками на меня сверкнул, смерил от ушей до хвоста, потом повернулся и говорит:

— А порода какая?

Тут бы Наташке и промолчать: не знаю, мол, не помню, у мамы спроси... Нет, лягнула гордо еще так:

— Бультерьер!

Девчонки смеются, а Гарри в позу надменную встал и сказал, как отрезал:

— Никакой это не бультерьер. Это томарктус! На зубы его посмотрите!

Тут уж я пасть захлопнул. Как же, счас! Так я тебе и показал свои зубки. И когти свои пустотелые не покажу, а на руки я даже Наташке не даю — не может собака моего размера столько весить.

— Кто?!

— Томарктус, — теперь Гарри уже объяснял, как учитель нерадивому школьнику. Снизошел. — Реликтовое млекопитающее. Один из прямых предков современных киноидных!

— Алик, не грузи! Причем здесь кино?

А, вот как его зовут — Алик. Очень подходит.

Девчонки смеются. Действительно: я и кино — две совершенно несовместимые вещи!

Но Алика так просто с толку не собьешь:

— Киноидные — это собакообразные. Кинос — собака по-древнегречески, если вы не знаете. Мне про томарктусов дядя рассказывал, он палеонтолог.

И понес, и понес...

— Ты, Наташка, даже и не представляешь, когда они жили? Это же современники мамонтов! Да что там мамонты, возможно и раньше, — продолжая вещать, он рассматривал меня каким-то странно холодным, изучающим взором, так что пришлось прятаться то за Наташку, то за кресло. Я даже стал жалобно поскуливать, чтобы показать, насколько я испуган.

— ...вели в основном ночной образ жизни, предпочитая одиночество, но объединялись в стаи при охоте на крупную добычу. Даже фороракос...

Заскучавшие было девчонки встрепенулись, хихикнули на незнакомое слово. Алику пришлось разъяснять:

— ...э-э, это такая птица, хищная, побольше страуса...

Ха-ха. Какое там «побольше»! Да страус рядом с ней — воробей недокормленный.

— ...хотя для томарктуса этот пес, пожалуй, великоват. У того было удлиненное тело и довольно короткие лапы.

Ага, знаем мы, как твой дядя с компанией скелеты собирают. Нашли кучу костей, сложили, что подошло друг к другу и — будьте любезны! — образец древней жизни.

Я уж думал, эта пытка никогда не кончится. Алик вещал, девчонки клевали носами, а Наташка — или мне только показалось? — начала особенно пристально на меня поглядывать.

Положение спасла мама Таня.

— Эй, молодежь! К столу! Все готово!

Алик-Гарри поперхнулся на полслове, девчонки с визгом побежали в большую комнату. Наташка махнула рукой:

— Ладно, Алик, хватит. Ну, какой он реликт? Томат... томар...

— Томарткус.

— Вот-вот. Собака, как собака. Только хорошая, правда, Амурчик?

А как же. Хочешь, хвостом повиляю?

— Откуда он у тебя?

Вот неугомонный! Пришлось Наташке соврать, хоть она это дело и не любит:

— Мы его купили! На Птичке. Там таких много.

— А родителей его ты видела?

Ситуация накалялась. Наташка покраснела, но тут опять вмешалась мама Таня:

— Наташа! Олег! Ну, где вы?

Вечером, когда все разошлись, Наташка рассказала маме аликовы теории. Я же, старательно изображая вечно голодных собак, сидел у стола и провожал жалобным взглядом каждый кусок вкусной еды, проходящий мимо меня. Вдруг мама Таня сказала:

— А он действительно необычный, а, Наташ? Ты посмотри, ему ведь не хочется есть. Он как будто изображает голод.

Упс! Я привстал и заскулил. Наташка засмеялась.

— Он просто кушать хочет. На, Амурчик!

Я осторожно слизнул с ладони кусок котлеты и, жадно чавкая, проглотил.

— Хорошая собака, хорошая. Реликт ты наш полосатый.

Фу-у, вроде пронесло.

Наступило лето. На каникулы Наташка никуда не поехала. Просто некуда было, а в лагерь она не хотела. Из-за меня, конечно. Мама Таня повздыхала, попеняла мне, но потом решила, что вот, в августе будет отпуск, и мы все вместе поедem к ее подруге под Истру. На дачу. А пока мы ездили купаться на водохранилище — всего-то десяток остановок на двух трамваях, ходили в парк на собачью площадку. В общем, как говорила бабка Катя, гулеванили.

На этой самой площадке я опять прокололся. То есть вначале все было, как и задумано: бревно очень узкое и скользкое, лестница слишком крутая,

а в трубу я вообще не полезу — там темно и страшно. Но постепенно, к великой Наташкиной гордости, упорные тренировки пошли мне на пользу.

На площадку пузатый дядька в джинсах с подтяжками приводил бельгийскую овчарку. Для себя дядька нес упаковку баночного пива, а для псины — мешок костей из магазина «Собачий пир». Красивый пес, черный, как смоль, звеня медалями, устраивал показательные выступления. И тут уж мешать не могли! Наташка, обычно, отводила меня в сторонку, приговаривала:

— Вот, смотри и учись.

Я сидел и смотрел, хотя мне было глубоко по барабану, с какой элегантностью Экселенц (какое скромное, со вкусом подобранное имя) берет барьеры и бегаet по бревну. Бревно я давно освоил, а забор Наташке по макушку, и если я его вдруг перепрыгну, народ сильно заинтересуется скромной полосатой дворняжкой.

В тот раз я не спеша шел по бревну, как вдруг сзади требовательно гавкнули. Черный Экселенц картинно взбегал на бревно и требовал уступить дорогу. Еще бы! За исполнение показательной программы ему полагалась куча разноцветных костей.

Наташка подбежала к пузатому хозяину.

— Ой, отзовите, пожалуйста, вашу собачку. Сейчас мы быстренько пройдем и не будем мешать.

— Ты лучше своего кабыздоха убери, а то как бы чего не вышло, — сказал дядька, прихлебывая «Хейнекен», — Экс, вперед.

— Ну, что же вы делаете! — В отчаянии закричала Наташка и бросилась обратно к бревну, — Амур, ко мне!

Экс догнал меня в три прыжка и злобно гавкнул. Нет, брат, шалишь, теперь уж я не уйду. Развернувшись, я негромко зарычал. У бельгийца от неожиданности разъехались лапы, он шмякнулся грудью о бревно — только зубы клацнули, — и позорно свалился на землю. Все замерли. И Наташка, и пузатый дядька, и прочие собаководы, с почтением наблюдавшие за тренировкой Экселенца.

— Ну, сейчас что-то будет, — сказала рыжая тетка, беря на поводок эрделя.

Экс бросился на меня прямо с земли, я шагнул в сторону, и он, не удержавшись, пролетел вперед несколько метров.

— Взять его, Экс! Фас!

— Ой, не надо, дяденька...

Бельгиец уже разворачивался для атаки. Я знал, что будет дальше. Эх, потомки, у вас здесь кто больше, тот и молодец. Эволюция.

Экс летел на меня. Большой, черный, взбесившийся от злости.

Тоненько вскрикнула Наташка.

Было инстинктивное желание уступить дорогу и сбоку рвануть клыками шею. Я подавил. Но с трудом.

Я прыгнул с места, когда Экс был в паре метров. Мы сшиблись в воздухе, я ударил плечом и грудью. Под звон медалей, бельгиец закувыркался по траве. Не давая опомниться, я ударил еще раз, потом еще. Я катил его, как мяч в сторону пузатого хозяина. Дядька выронил пиво, мешок с костями, взмахнул цепью и бросился спасать своего чемпиона. Я оставил Экса и, припав к земле, пошел на хозяина. Собаки так не нападают. Видно я здорово разозлился, если подсознание взяло верх. Цепь, свистнув, пролетела над головой. Я метнулся вперед и перекусил ее прямо возле пальцев пузана. Дядька от неожиданности попятился, споткнулся и рухнул прямо на упаковку с пивом.

— Амур, нельзя! Фу!

Я остановился, но адреналин кипел в крови. Наташка смотрела на меня круглыми глазами. Пузатый дядька, отряхиваясь и бормоча, что меня надо держать в клетке, побежал искать своего чемпиона, а собаководы как стояли, так и продолжали стоять, разинув рты.

Я поджал хвост и на полусогнутых пошел к Наташке.

— Ты что, Амур... ты что это, а? Как это?

Я не буду больше, Наташ, не ругай меня.

— Пойдем-ка домой, реликт.

Дворняжка я! Никакой не реликт! Ну, посмотри же...

— Пойдем, пойдем.

Она взяла меня на поводок и потащила с площадки. Пока мне выговаривали, красивые кости из «Собачьего пира» уже подъели. Проходя, я понюхал пустой мешок. Пахло вкусно...

— Мам, я сама видела! Вот такую цепь перекусил! — Наташка показала на пальцах, какой толщины была цепь.

Не слушай ее, мама Таня! Такой цепью слона удавить можно, а эта цепочка была тоненькая и ржавая!

— Ты не придумываешь?

— Да нет, точно. Там все так и обалдели!

Мама Таня покачала головой.

— Да-а... Может, все-таки Алик прав, а?

Они сидели на кухне за столом. Наташка нахмурилась разглядывала меня, будто в первый раз увидела. Я распластался на полу, положив голову на лапы, и пытался выглядеть несчастным и обиженным.

— Ну-ка, Амур, чем ты там цепь перекусил, — мама Таня присела рядом со мной и пальцами приподняла мне губу. — Зубы, как зубы. Белые, красивые. Вполне собачьи зубы.

Правильно, ничего необычного.

— Ладно, Наташ. Зато защитник какой у тебя! Только держи его на поводке, раз он такой буйный.

Ночью была гроза. Не люблю грозу. Видимо где-то в подсознании остался островок первобытного страха. То есть я ее уже не боюсь, но опасаясь.

Все уже спали, не обращая внимания на блеск молний, гром и шум дождя. Я побродил по комнатам, попил водички, выглянул на балкон. Дождь полупрозрачной завесой отгородил нашу квартиру от всего мира. А ведь сейчас кто-то прячется от дождя под лавками во дворе, под деревьями. Брр. И я когда-то, в другой жизни, тоже прятался и скулил от страха. Правда, тогда грозы были страшней. Это я хорошо помню.

Неприятный зуд возник где-то на

затылке между ушами. Я насторожился. Зуд перешел в прерывистый гул, будто удары далекого колокола слились в один бесконечно долгий звук.

Пришло мое время. Наташку, конечно, будить не стоит — еще чего доброго со мной пойдет. Мама Таня спала, свесив руку из-под одеяла. Я лизнул пальцы. Безрезультатно. Мммм... Ухватил осторожно одеяло и потянул. Она заворочалась, когда холодный сырой воздух забрался под рубашку.

— Наташ, ты... Амур, ты что?

Я совсем стянул одеяло и оттащил его на середину комнаты.

— Ты что, сдурел, что ли? Ну-ка, пошел отсюда.

Я жалобно заскулил и оглянулся на дверь.

— Ну, что еще! Газ, что ли не выключили?

Мама Таня прошлепала босыми ногами на кухню, проверила плиту, потом заглянула в ванную.

— Чего тебе надо?

Я подбежал к входной двери и стал в нее царапаться.

— Да? А еще чего изволите? Время три часа ночи, а ему приспичило. Ты видел, что на улице делается? Потерпишь!

Я заскулил еще жалобней.

— Тихо ты, Наташку разбудишь. Вот, смотри, открываю дверь. Сделаешь свои дела, придешь. Дверь будет открыта. Понял? И чтобы это было в первый и последний раз!

Кодовая дверь подъезда была открыта, и я шмыгнул на улицу. Под козырьком сидела на старом венском стуле бабка Катя и смолила папироску.

— Ну что, Амур, не спится? И я в грозу спать не могу. Все войну вспоминаю. Вот такая же погода была, когда мы в сорок четвертом...

Да знаю я, баб Кать, ты мне уж столько раз рассказывала. Извини, дела.

— Ну беги, погуляй. Тебе то что, вон какой ковер на спине.

Гроза стихала: молний уже не было, ворчал, уходя, гром, и только дождь хлестал с прежней силой. Фонари вдоль дома не горели, а так — едва тлели тусклыми огоньками в кронах мокрых деревьев.

Меня ждали на углу дома, там, где не было даже рассеянного света. Я почуял врага раньше, чем увидел и был разочарован. Это была собака. Большой, породистый ротвейлер. Он стоял, широко расставив мощные лапы, ожидая, кто придет остановить его. Он не был расположен к переговорам, но все-таки я решил его урезонить.

— Ты не получишь то, зачем пришел. Ты не понимаешь, что делаешь. Уходи.

— Меня выбрали, и это хороший выбор. Я знаю, ты не уйдешь с дороги, но это и не нужно. Ты умрешь первым.

Ротвейлер слегка присел, готовясь к нападению.

Интересно, как выглядел наш диалог со стороны. Стоят две собаки, смотрят друг на друга. Ни лая, ни рычания. Игра в гляделки, да и только. Я понимал, что он говорит, но мысли его были тяжелые и ворочались с трудом, как камни в русле горной речки. Видимо те, кто выбрал его, не стали кропотливо готовить посланца, тренировать, натаскивать. Просто взяли наиболее подходящее для убийства существо и наделили минимальным сознанием. Ну, а чем его оснастили, сейчас увидим. Я не чувствовал злобы или неуверенности. Я долго готовился к этой схватке. Там, где я жил были звери куда серьезнее, да и не животное ожидал я увидеть.

Заскрежетал металл по асфальту — он выпустил лезвия из когтей, готовясь к броску. Это напрасно. Рано. Прыгать неудобно. Ротвейлер совсем не знал, кто будет против него. Он тяжело поднял в прыжке свое тело. Вечный недостаток домашних собак — лишний вес.

Я прыгнул навстречу, чуть вбок, переворачиваясь в воздухе на спину и выпуская когти. Отбил его левую лапу, посыпались искры. Что за железо ему поставили, если крошки летят? Его лапа пошла вниз, голову он повернуть не успел и я рванул снизу стальными когтями беззащитную глотку. Ротвейлер замер на растопыренных лапах, затем, неловко переступив, завалился на меня. Я лежал на

спине, даже не потрудившись перекачаться в сторону. Горячая кровь, уходя из сильного тела, хлынула на морду. Он пытался что-то сказать, но мысли, и прежде тяжелые, теперь совсем не слушались. Чужое сознание оставило его. Я уловил отчаяние, непонимание происходящего, ужас и страх перед надвигающимся и неизбежным. Желание оказаться рядом с другом, с которым можно играть в мяч, упиваясь собственной силой, таскать в зубах колесо от «Жигулей», спать на ковре у двери, радоваться похвалам и огорчаться недовольству хозяина, охранять детскую коляску с пищущим человечьим детенышем...

Все кончилось. Его большое тело в последний раз сотрясла крупная дрожь, хрипенье и бульканье затихли.

Я лежал в луже чужой крови, и не было сил подняться. Видит бог, я не хотел этого. Но он пришел убить Наташку. Не по своей воле, но пришел. Я припомню этого бедолагу, если встречу с приславшими его. Кое-как я добрал до водосточной трубы на углу дома. Я лег в промоину и стал жадно пить отдающую ржавчиной воду, поворачиваясь то одним, то другим боком, чтобы смыть кровь.

— Ты молодец, приятель. Сделал все, как надо. Теперь пойдём с нами.

Это были те двое, которые дали когда-то мне новую жизнь и отправили сюда за тысячами километров и миллионы лет от моего мира защищать ребенка. Они и в прошлый раз появились неожиданно, но тогда я валялся с распоротым брюхом, а сейчас должен был почувствовать их приближение раньше. Избаловался... Привык сладко есть и мягко спать...

— А как же Наташка? Ведь вы говорили, что на одной попытке они не остановятся?

— Это уже не важно, — сказал один, — ребенок должен был погибнуть еще полгода назад. Мы не дали этому случиться, и теперь это отразилось на нашем времени. Наш мир меняется. И меняется катастрофически. Мы хотели поставить эксперимент и ошиблись. Да-да, мы тоже ошибаемся, как и современные люди, хотя и

отличаемся от них, как ты от собак. Исчезновение одного человека этот, — он выделил голосом, — мир не изменит. Несопоставимые величины. Социум просто не заметит потери, но если в ближайшее время девочка не исчезнет, последствия для будущего лично я не берусь предсказать.

— Ах, социум не заметит... А ее мать заметит? А старуха-соседка? А те, кто ее любит и знает? А я? Кстати, ведь меня должны были сожрать еще в миоцене, но я жив, и мир в порядке.

Второй присел на корточки рядом со мной и склонил голову, будто с интересом разглядывал что-то неведомое.

— Ну, прямо доисторическая преданность. Ты и в самом деле реликт. Пойдем с нами, приятель, пойдём. У нас даже собаки живут долго, почти вечно. Оставь все, как есть и ...

Он поперхнулся словами, поскольку я встал и так энергично встряхнулся, что брызги дождевой воды веером прошлись по его лицу. Вытерев лицо ладонью, он поднялся.

— Ты здорово изменился, приятель. Ты не забыл, кто ты, зачем ты и кому обязан практически всем, что имеешь? Ты можешь вернуться в свое время или можешь пойти с нами, — сказал он сухо. — Здесь ты не останешься. Или останешься лежать рядом вот с той собакой.

— А Наташка?

— Нам приказано убрать тебя отсюда. Скажу больше: мы не можем забрать тебя силой, но в твоих интересах согласиться. Теперь ребенок — не наша забота. И не твоя.

— Я остаюсь, — я слегка присел, стараясь держать обоих в поле зрения, — кто из вас рискнет своей вечной жизнью? Ну? Ничего страшного — ведь социум не заметит.

Они переглянулись. Затем тот, кто говорил со мной взял второго за ворот и притянул к себе.

— Ну что, теоретик? Что теперь?

Тот слабо пытался вырваться:

— Откуда я знаю. И вообще, ты привлек это существо, ты и ...

— Я? Правильно, я. Ты только идеи подкидываешь. Я исполнитель, а

ты, как всегда, в стороне! — Он недобро глянул на меня. Я ждал. — Ладно, приятель, поступай, как знаешь. Тебе все равно ее не спасти.

«Теоретик» наклонился ко мне и почти прошипел:

— А от нас тебе будет сюрприз. Помнишь свою последнюю охоту? А-а, помнишь! Вот на ней и подохнешь! Я тебе обещаю!

Они растворились в струях дождя.

Бабка Катя все еще сидела у подъезда. Я подошел и уселся рядом — надо было хоть немного обсохнуть.

— Амур, ты что, купался? Ишь, как вымок. А там рычал кто-то, ох как страшно рычал. Я подумала: не ты ли с кем сцепился.

Нет, баб Катя, не я. Я смиренный и послушный.

— Ну, давай посидим, поговорим. Ты хоть знаешь, почему тебя Наташка Амуром назвала? Нет? Так это я подсказала. Да! Смотри, говорю, какой зверь полосатый. Ну, прямо тигр амурский, да и только! Вот так-то.

Спасибо, баб Катя, мне нравится.

Два дня во дворе только и говорили об убитой собаке. Сошлись на том, что какие-то отморозки зарезали ни в чем не повинное беспомощное существо. Жаль когти его никто не рассмотрел внимательно. А то бы постеснялись насчет беспомощности...

Только бабка Катя имела свое мнение, даже не мнение, а так, подозрение, но высказала его только мне.

— Ты ведь, Амур, гулял в ту ночь. А? Чего молчишь? Неужто не видел ничего?

Нет, баб Катя, ничего не видел.

— Ох, не простой ты пес, не простой. Ладно, не скажу никому, но ты уж за Наташкой пригляди, а то смотри, что делается.

Какой разговор, конечно пригляжу. Недолго осталось. Те двое говорили, что в ближайшее время Наташку должны, ну ...это. А если нет, то все обойдется. Уж я постараюсь, чтобы... м-м... обошлось.

— Чего это, на ночь глядя? До завтра не подождет? — мама Таня, при-

крыв телефонную трубку ладонью, недовольно посмотрела на Наташку.

— Ну мам, Ксюха говорит — завтра уже отдавать. Да я быстро!

— Одна нога здесь, другая там! Ясно? — мама Таня махнула рукой. — Алло, Свет... Нет, я не пропала, у Наташки подружке какую-то тряпку от Диора притащили, вот просится посмотреть. Пусть сбегает, это рядом, — она опять прикрыла трубку. — Наташка, денег все равно нет!

Только я прилечь собрался. Эх, жизнь собачья! Ну ладно, пошли что ли. Наташ, не беги ты так, я же только что каши наелся. У-у, коза длинноногая.

На втором этаже мы обогнали бабку Катю. Она, держась за перила, потихоньку спускалась по лестнице, держа в руке металлический ящичек с красным крестом на крышке.

— Что случилось, баб Катя?

— А-а, как всегда. Петровна звонила, плачет, у Васьки ее опять сердце прихватило. А ведь моложе меня! Не берегут себя нынче, все быстрее, давай-давай...

Мы выскочили на улицу и, не сбавляя темпа, понеслись в пятый подъезд к Наташкиной однокласснице.

— Амур, сиди тут. За кошками не гоняйся, крыс не ешь — только сейчас кашу трескал. Все, я быстро.

Да, быстро. Знаю, знаю. Я присел и огляделся. Уже стемнело, с запада опять шла гроза. Там повсю гремело и полыхало, скоро и нас накроет, а Наташка без зонтика.

В помойке у гаражей кто-то зашуршал. Я принюхался. Каша — кашей, но без мяса...

Знакомый зуд возник за ушами, и удары колокола опять догоняли друга друга.

Он возник прямо из ничего в тени старого ясеня там, где полутьма переходила в ночь. В этот раз он был похож на человека, хотя судить было трудно — нелепая одежда скрывала его. На нем была какая-то темная хламида с капюшоном, ниспадающая до земли. Он не стал ничего говорить, он приподнял руки, повернул их ладонями вперед и шагнул ко мне. Загустевший вдруг воздух упруго толкнул меня

в морду, и я понял, что медлить нельзя. Я сорвался с места, будто меня под хвост куснула сороконожка, толкнулся всеми лапами и прыгнул на него, выпуская когти... и словно ударился в раскаленную стену. Меня отбросило назад и, перекувырнувшись через голову, я распластался на асфальте. Лапы и морда горели. Разлепив опаленные веки, сквозь радужные круги перед глазами я увидел, что мои когти оплавились на концах в стальные шарики. Вот паразит, как же я теперь буду их втягивать?

Он сделал еще шаг, снова приподнимая руки. Я подобрался и, проскрежетав бесполезными железками на лапах, опять прыгнул на него...

На этот раз я даже удара не почувствовал, очнувшись — лежу в собственной рвоте. Это было так унижительно, что я чуть не завыл от стыда. Он шагнул еще и встал прямо надо мной. Я не смог разглядеть лицо под капюшоном, но если оно было, уверен, он улыбался. Не торжествуя, нет, — снисходительно. Так улыбаются начальному мальчишке, показав свое превосходство.

Я подтянул передние лапы и кое-как выпрямил их, приподнялся. Оперся на толстый удобный хвост и посмотрел ему прямо в черный провал капюшона. Ты рано улыбаешься, и ты напрасно подошел так близко. Я, конечно, хочу еще пожить, но для чего-то определенного, а не разжиревшей шавкой на поводке. А ваше время кончается... считай, что кончилось! Я открыл пасть, будто и впрямь собрался завывать. По пищеводу поднималось что-то раскаленное, колючее. Словно я проглотил солнце, и теперь оно нашло выход. Солнце заполнило всю глотку, и дышать стало нечем.

В последнее мгновение он, видно, что-то понял и отшатнулся. Но поздно... Раздирая мне пасть и плавая зубы, солнце вралось на свободу.

— Годовщина Курской дуги сегодня все-таки. Он ведь совсем мальчишкой там в танке горел, — Петровна смахнула слезу, — вот друзей вспоминал. Да и прихватило.

— Ладно, — Екатерина Ивановна убрала шприц и поднялась с табуретки, — пусть лежит, не встает. А утром в районную позвони...

На улице она пошарила по карманам в поисках папирос. Забыла... Придется домой подниматься, пять пролетов вверх! Потом уж вниз ни за какие коврижки! А хотелось посидеть тут немножко перед сном.

А вот я Наташку дождался, и попросу ко мне сбегать, решила Екатерина Ивановна. Набегавшие тучи съедали звезды, зашумел ветер. Опять гроза, что ж — июль, знамо дело. Громыкнуло так близко, что Екатерина Ивановна вздрогнула и решила дожидаться Наташку под козырьком подъезда. Шаркая валенками, она поднялась по ступенькам, но тут какое-то движение в углу двора привлекло ее внимание. Близоручко сощурившись, Екатерина Ивановна пригляделась: у дальнего подъезда сидел Амур, а перед ним, на границе света и тьмы, стоял кто-то в темном плаще — не плаще, в балахоне каком-то. Амур поднял морду, словно собирался завывать. Тот, в плаще, отпрянул, нелепо взмахнув широкими рукавами. Ослепительный шар раздулся и лопнул между ними брызгами нестерпимого света, заставив Екатерину Ивановну на секунду зажмуриться. И тут же гулкий раскат грома ударил по барабанным перепонкам. Тугой теплый ветер бросил ей в лицо пыль и опавшие листья. Потянуло грозовой свежестью.

Что же это делается, а?

— Амур! Амурчик!

Еще издали Екатерина Ивановна поняла, что у подъезда уже никого нет. На потрескавшемся асфальте выделялся темный, будто закопченный круг. Что-то блеснуло под ногами. Она наклонилась и подняла с земли обрывок ошейника с бляшкой.

Наташка ракетой вылетела из подъезда и, оглядевшись, подбежала к Екатерине Ивановне.

— А где Амур, баб Катя?

— Ой, не знаю, Наташ, — запинаясь, пробормотала та, — Как молния-то полыхнула, да еще гром вдарил, он гавкнул и кинулся куда-то. Видать, испугался.

— Да что ты, баб Кать, он же никогда грозы не боялся.

— Так грохнуло-то как! У меня самой аж сердце зашлось.

— Ой, ну что же делать? Потеряется ведь! — Наташка закусила губу, с надеждой оглядывая двор. — Амур! Амур!!

— Ты беги, матери скажи, вместе и поищем.

Первые крупные капли дождя застучали по листьям. Наташка кинулась домой. Екатерина Ивановна поднесла к глазам обрывок ошейника и, протерев бляшку, долго на нее смотрела.

«АМУР»...

— Поискать мы, конечно, поищем, — прошептала она, — все тебе легче будет, дочка.

Полосатый зверь умирал. Он лежал на боку и старался не смотреть на тушу огромной птицы, что поедали сейчас его сородичи. Он помнил, как первый бросился на фороракоса, как получил когтем в брюхо. Зверь знал, что будет дальше, но ни о чем не жалел, был спокоен и почти доволен.

Послышалось негромкое рычание и повизгивание. Зверь повернул морду. Несколько таких же, как он, остромордых и полосатых, опоздав к пиршеству, подбирались теперь к нему, поблескивая в клочьях утреннего тумана маленькими черными глазками. Ну, вот и все. Зверь приподнялся на передних лапах, оскалил зубы и пополз навстречу.

И все же он был доволен. Он знал, что за миллионы лет отсюда все обошлось, и был спокоен и доволен.

.....

ОБ АВТОРАХ:

Андрей Евгеньевич Николаев родился в 1958 году в Москве. С детства мечтал попробовать себя в литературе, однако жизнь распорядилась по-своему. Работал на заводе, в компьютерной индустрии, торговле. Первый успех на писательском поприще пришел к Андрею лишь в 2004 году, когда он стал дипломантом конференции Роскон. Автор романов «Русский экзорцист», «Душа оборотня» (совместно с А.Прозоровым), «Черное таро», «Золотые врата», «Врата Атлантиды» (все три в соавторстве с О.Маркеевым), «Охота на охотника», «Счастливец Сандерс», «Правило русского спецназа» (все три в соавторстве с Р.Злотниковым, цикл «Вечный»), «Точка отчета». Рассказы Николаева неоднократно публиковались в жанровой периодике и входили в состав тематических сборников. 22 февраля 2006 года Андрея Николаева не стало.

Сергей Владимирович Чекамаев родился в 1973 году в Москве. Образование высшее техническое. Литературной деятельностью серьезно решил заняться в конце 2001года. На сегодняшний день в творческом активе автора фантастические романы «Везуха», «Анафема», «Носители Совести» и «Бремя стагнатора», сборник романтической прозы «Лебедь на обложке», а также более 90 публикаций в российской, американской, германской, французской, греческой и украинской периодике. Постоянный автор журналов «Наука и жизнь», «Смена», «Мир фантастики», «Чайка». Рассказы включены в десять тематических сборников и антологий фантастики. Дважды — в 2003 и 2004 годах — становился дипломантом конференции Роскон. Лауреат премии «Бесобой» (2006) за литературную мистику и специальной премии от Союза православных граждан России (2006). С 2005 года состоит в Союзе журналистов России и Международной журналистской ассоциации.